

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 327.37, 327.5

**ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ БАЛАНС
В ЕВРОПЕ И ОГРАНИЧЕННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ¹**

© 2022 **БОГДАНОВ Константин Вадимович***

Кандидат технических наук

*Старший научный сотрудник Центра международной безопасности
Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН
117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул, д. 23*

*E-mail: cbogdanov@imemo.ru

Поступила в редакцию 09.09.2022

После доработки 21.10.2022

Принята к публикации 01.11.2022

Аннотация. Важными компонентами современного ядерного сдерживания являются доктрины ограниченного применения ядерного оружия и связанные с ними потенциалы, включая маломощные и высокоточные системы ядерного оружия. Одним из наиболее значимых регионов для изучения является Европа, где продолжается обострение отношений России и НАТО – ведущими игроками «ядерной суперсистемы». Распространяющиеся политизированные конъюнктурные нарративы, например «эскалация для деэскалации», используются для объяснения части ограниченных сценариев применения ядерного оружия. Однако они смягчают характер проблемы в контексте снижения рисков возникновения ядерного конфликта и дальнейшего развития системы контроля над вооружения-

---

¹ Данная статья подготовлена в рамках исследования по грантовому проекту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Программа создания и развития Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала» в рамках Научного центра мирового уровня, Соглашение МГИМО № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г, проект «Укрепление позиций России в глобальной конкуренции центров силы посредством обновления принципов и механизмов контроля над вооружениями и развития человеческого потенциала дипломатической сферы».

ми. В связи с этим актуальным является построение системного исследования возникновения и трансформации идей ограниченного применения ядерного оружия на европейском театре военных действий. В процессе исследования выделены ключевые факторы, влияющие на выбор подобных доктрин. Установлены факторы, подталкивающие страны к принятию ограниченных сценариев, а также описаны основные риски, связанные с подобным сочетанием доктрин и ядерных потенциалов. Предложены возможные меры по снижению рисков, относящиеся как к сфере стратегического диалога, так и к конкретным решениям в области контроля над вооружениями.

Ключевые слова: Европейский театр военных действий, контроль над вооружениями, контроль эскалации, ограниченное применение ядерного оружия, «эскалация для деэскалации», ядерная стратегия.

DOI: 10.31857/S0201708322070129

EDN: kxazrg

Развитие доктрин ограниченного применения ядерного оружия (ЯО) – одна из особенностей трансформации ядерного сдерживания после холодной войны. Идеи ограниченного (в т. ч. одиночного) применения ЯО в целях «деэскалации» вооруженных конфликтов широко обсуждались с рубежа 1950–1960-х гг. Однако последние 30 лет стали периодом расцвета этих концепций, которые превратились из абстрактных академических построений в реальные оперативные планы.

Европейский регион (театр военных действий, ТВД) как объект исследования актуален по двум причинам. Во-первых, среди основных региональных комплексов безопасности у него самая долгая история эволюции стратегий возможного ядерного конфликта, ограниченного географическими рамками. Это задает проблеме историческую перспективу, отвязывая ее от политизированной конъюнктуры, и позволяет провести всесторонний анализ факторов, влияющих на развитие таких концепций. Во-вторых, будучи зоной соприкосновения интересов двух крупных военно-политических игроков современности, НАТО и России, регион предоставляет уникальный материал для исследований динамики ядерного сдерживания.

В последние годы в зарубежных экспертных дискуссиях наблюдается сведение проблемы ограниченного применения ЯО к «эскалации для деэскалации». С помощью этого термина принято описывать гипотетическую доктрину упреждающего применения, которой, по мнению иностранных экспертов, придерживается Россия. Идея заключается в предотвращении перехода гипотетического локального столкновения в Европе между Россией и отдельными странами НАТО в полномасштабную войну с альянсом, которую Россия, в силу сложившихся соотношений сил, выиграть одними лишь обычными средствами не сумеет [Colby, 2015; Luik, Jermalavičius, 2017; Schneider, 2017].

Понятие «эскалация для деэскалации» получило широкое распространение на волне пересмотра политики безопасности в отношении России после событий 2014 г. в Крыму и на Донбассе и в итоге стало использоваться в документах стратегического

планирования в странах Запада¹. Термин появляется в работах Н.Н. Сокова, который в конце 1990-х гг. описывал трансформацию ядерной стратегии России в условиях экономических потрясений, глубоких сокращений ЯО и кризиса сил общего назначения [Sokov, 1998, 1999]. Однако итоговый вариант отличался от исследований Сокова, опиравшихся в т. ч. на теорию американской ядерной стратегии холодной войны. Были пропущены модальности российских доктринальных документов, которые ставят такую трактовку под сомнение. Утрата исторической перспективы, связывающей «эскалацию для деэскалации» с проблемой управляемости ядерной эскалации, не позволяет корректно оценить эту доктрину и современные концепции ограниченной ядерной войны.

Эта идея в приложении к российской ядерной стратегии получила на Западе свою долю содержательной критики², дополненную попытками дать более широкую картину с альтернативными объяснениями [Ven Bruusgaard, 2021]. Вместе с тем западная экспертиза использует ряд российских военно-научных публикаций в качестве дополнительной аргументации (например, широко цитируется работа В.И. Левшина, А.В. Неделина, М.Е. Сосновского [Левшин и др., 1999]). Российское академическое сообщество указывает на необходимость дальнейшего прояснения декларативной ядерной политики [см., например, Арбатов, 2021: 99–102].

Обострение отношений России и НАТО после специальной военной операции на территории Украины (СВО) придает конфронтации ядерное измерение (два крупнейших игрока, обладающие суммарно 94–95% ядерных арсеналов мира). В риторике СМИ появляется вопрос о готовности России применить ЯО на Украине³. Таким образом, необходимо рассмотреть обстоятельства возникновения подобного рода доктринальных воззрений и определить факторы их трансформации.

«Гибкое реагирование» и региональный фактор

Доктрина «массированного возмездия» США в 1950-е гг. подразумевала применение почти всего арсенала ядерного оружия на всю глубину территории противника. Одновременно была предпринята попытка сэкономить на силах общего назначения на основе доктрины «нового взгляда» – внедрения ЯО на поле боя как

¹ Nuclear Posture Review 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 22.06.2022)

² См., например, Oliker O., Baklitskiy A. The Nuclear Posture Review and Russian 'De-Escalation': A Dangerous Solution to a Nonexistent Problem. War on the Rocks. 20.02.2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/02/nuclear-posture-review-russian-de-escalation-dangerous-solution-nonexistent-problem/>; Ross J. Time to Terminate Escalate to De-Escalate – It's Escalation Control. War on the Rocks. 24.04.2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/04/time-to-terminate-escalate-to-de-escalateits-escalation-control/> (дата обращения: 22.06.2022)

³ Will Putin Use Nuclear Weapons in Ukraine? Our Experts Answer Three Burning Questions. Atlantic Council. 10.05.2022. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/will-putin-use-nuclear-weapons-in-ukraine-our-experts-answer-three-burning-questions/> (дата обращения: 22.06.2022)

усилителя огневой мощи войск, позволяющего вести войну меньшим количеством счетных дивизий. Это вело к стратегическому тупику: с учетом количества и мощности планируемых к применению боеприпасов, конец цивилизации при межблоковой войне наступал быстро и почти автоматически без вариантов деэскалации с середины пути¹.

Одним из выходов было использование ЯО не как средства сокрушения, а как инструмента «торга в ходе войны» [Schelling, 1957]. Министр обороны США Р. Макнамара, описывая ядерную стратегию США в 1962 г., заявил: «Мы могли бы искать пути прекращения войны на благоприятных условиях, используя наши силы как инструмент торга, угрожая продолжением атак» [Brower, 1962: 36]. В это время также развивалась теория избирательных (по перечням целей) и ограниченных (по масштабам применения) ядерных войн, в частности, в работах Г. Киссинджера, Р. Осгуда и Г. Кана [Kissinger, 1957; Osgood 1957; Kahn, 1965].

Вторым ключевым фактором развития доктрин стал дисбаланс в силах общего назначения в Европе. Организация Варшавского договора заметно превосходила НАТО в численности личного состава и количестве обычных вооружений основных видов (в особенности танков и артиллерии [см., например, Blitzinger, 1989]). Опора на поэтапно наращиваемое применение ЯО против гипотетической конвенциональной агрессии советского блока («гибкое реагирование») комбинировала решение двух задач. С одной стороны, решалась задача успешного ведения активной обороны меньшими силами за счет применения ЯО. С другой стороны, «гибкое реагирование» позволяло «разубедить» СССР в реалистичности достижения победы с использованием только обычных вооружений.

Предлагаемые меры нельзя назвать «ограниченным применением» в том виде, в котором эти идеи формировались позже в отношении кардинального снижения масштабов использования ЯО. С учетом логики развития ядерной стратегии США в 1960-е гг. правильнее их именовать «избирательными»: оставаясь массированными, ядерные удары получали сфокусированное нацеливание внутри географически замкнутого ТВД или определенного класса целей.

Отношения СССР и НАТО в годы холодной войны характеризовались рядом четко выраженных военно-стратегических асимметрий, одной из которых была особая позиция европейского ТВД, удаленного для США и сопряженного со своей территорией для СССР. Советский Союз мог ограничить пространство конфликта, сосредоточившись на массированном применении ЯО внутри театра, не вовлекая США в размен стратегическими ударами по национальным территориям. Вашингтон сталкивался с эскалационной дилеммой, описываемой метафорой «размена Бостона за Бонн» [Posen, van Evera, 1983: 8–9]: повышать ставки в войне, нанося стратегические удары по СССР (и получая соразмерный ответ), или принять условия

¹ Например, план SIOP-62 (1961 г.) подразумевал применение США 3200 ядерных боезарядов общей мощностью около 8000 Мт. Между тем в феврале 1961 г. У. Кауфманн показал, что на таком уровне доставляемой мощности с учетом фактора радиоактивного заражения не наблюдается разницы между контрсилowym и контрценностным типами нацеливания с точки зрения итогового количества жертв и разрушений, близкого к полному уничтожению основ для жизни [см.: Kaplan, 1991: 261].

ядерной войны в границах Европы, тем самым подорвав гарантии сдерживания, данные союзникам. Дилемма подталкивала Вашингтон к усилению ядерных средств передового базирования в Европе.

Таким образом, из сценария гарантированного уничтожения цивилизации попытались найти выход путем пространственных ограничений районов и дозированных схем применения ЯО. Это создало предпосылки для следующего этапа. В 1969–1974 гг. Г. Киссинджер и Дж. Шлезингер продвигали концепции ограниченного (в т. ч. «демонстрационного») применения ядерного оружия. В конце 1980-х гг. схема «затяжной стратегической ядерной войны»¹ воплотилась в реальных оперативных планах, минимальные из которых подразумевали использование не тысяч, а всего лишь десятков ядерных боезарядов². В подобном виде схема эскалационного доминирования раскрывалась более структурировано, смыкаясь с уже оформившимися в американском стратегическом сообществе идеями военно-политического «сигналирования» в конфликте.

Советское стратегическое мышление отрицало «сигнальные» схемы применения ЯО как декларативно, так и на практике военного планирования [см. подробнее Hines, 1996]. Трансформация взглядов на характер и протекание гипотетического конфликта с НАТО привели советскую военную мысль 1970-х гг. к теории «поэтапного нарастания» ядерного конфликта, а начала 1980-х к теории «равной готовности», близким к идее «гибкого реагирования». Последняя подразумевала, что вооруженные силы способны вести как ядерную, так и обычную большую войну с равным противником [История..., 2000: 378–380, 404]. Однако шансы удержать ядерный конфликт на определенном уровне оценивались невысоко: переход «поэтапной» ядерной войны в полномасштабную фазу мог произойти за несколько дней.

Конец холодной войны и смещение равновесия

Изменения в ядерной политике России после роспуска Организации Варшавского договора и распада СССР носили вынужденный характер и обуславливались не только финансово-экономическими, но и военно-политическими соображениями. В 1993 г. Россия снимает с себя формальные обязательства о неприменении ЯО первой, принятые СССР в 1982 г.

Уже в 1994 г. проявляется «новое мышление» в области ядерной политики. Например, в работе двух высокопоставленных генералов Ракетных войск стратегического назначения Н.Е. Соловцова (будущего командующего этими войсками) и В.Т. Носова утверждалось, что «задача сдерживания выдвигает дополнительные требования к стратегическим ядерным силам: способность наносить избиратель-

¹ Концепция введена в документах стратегического планирования администрации президента США Р. Рейгана NSDD-13 и NSDD-32 в 1981–1982 гг. Она опиралась идеологически на более раннюю директиву PD.59 администрации Дж. Картера (1980 г.), ставившую схожие задачи.

² Об устранении разрыва между доктринальными положениями администрации и оперативным планированием ядерных сил США, состоявшемся только после 1985 г. [см.: Butler, 2016: 9–10].

ные, в т. ч. единичные, удары в широком спектре дистанций с минимальными экологическими последствиями» [Соловцов, Носов, 1994: 75]. К концу 1990-х гг. военно-научная мысль России подробно рассмотрела эту проблематику, введя понятие «побуждения противника к деэскалации военных действий» через ограниченное применение ЯО (как стратегического, так и тактического), что представляет «демонстрацию решимости» [Левшин и др., 1999].

Сокращение возможностей российских сил общего назначения на фоне военно-политической обстановки, складывавшейся в Европе после конца холодной войны (сохранение НАТО и принятие плана расширения на Восток в отсутствие значимых шагов по интеграции России в западное сообщество) привело к дальнейшему изменению декларативной политики. В декабре 1997 г. в Концепции национальной безопасности РФ утверждалось, что ЯО может быть применено, если «в результате развязывания вооруженной агрессии возникает угроза самому существованию Российской Федерации как независимого суверенного государства»¹. Первая полномасштабная военная доктрина России, принятая в апреле 2000 г., утверждала, что применение возможно «в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности ситуациях»².

Аналогичные военно-стратегические факторы легли в основу «гибкого реагирования» и американских концепций избирательного применения времен холодной войны. Смещение перевеса в обычных вооружениях в пользу НАТО вело к сдерживанию гипотетической масштабной конвенциональной агрессии через понижение порога применения ЯО и ограничение масштабов его использования в интересах «торга в ходе войны». Последнее становилось все более значимым ввиду сокращения ЯО и существенного пересмотра вниз уровней возможного неприемлемого ущерба (чаще говорят о понятии сдерживающего ущерба [Буренок и др., 2009]).

Сложно отыскать в этой схеме следы инкриминируемой России стратегии «эскалации для деэскалации», которую правильнее в описании западной экспертизы именовать «эскалация для победы». Ее обычно раскрывают не через сценарий обороны от превосходящего противника, что ведет к применению ЯО, а через идею небольших агрессивных «блицкригов» России в Восточной Европе, после которых следует упреждающее единичное использование ядерного оружия в демонстрационных целях, что гипотетически призвано удержать НАТО от вмешательства по 5-й статье Вашингтонского договора.

Часто выпадает из рассмотрения динамика модальностей российских доктрин. В редакции военной доктрины 2010 г. повышен порог применения ЯО: от расплывчатой «критической ситуации» вернулись к более четкой формулировке 1997 г. об угрозе существованию государства³. В редакции 2014 г. она была сохранена, а так-

¹ Концепция национальной безопасности РФ. Указ Президента России № 1300 от 17.12.1997. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (дата обращения: 22.06.2022)

² Военная доктрина РФ. Указ Президента России № 706 от 21.04.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15386> (дата обращения: 22.06.2022)

³ Военная доктрина РФ. Указ Президента России № 146 от 05.02.2010. URL: <http://kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 22.06.2022)

же дополнена понятием «системы неядерного сдерживания»¹, отражавшим рост потенциалов обычного высокоточного оружия большой дальности. Это позволяло опираться на большее количество ступеней эскалации перед ядерным порогом, имплицитно повышая его. «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания» 2020 г. не поменяли это состояние. Документ конкретизировал возможные сценарии (в основном связанные с ядерными либо неядерными атаками на инфраструктуру сил ядерного сдерживания), а также указал на то, что «неопределенность для потенциального противника масштаба, времени и места возможного применения сил и средств ядерного сдерживания» является одним из руководящих принципов².

Таким образом, прослеживается связь декларативной ядерной политики с дисбалансом в обычных вооружениях, который с рубежа 2000–2010-х гг. воспринимался российским руководством как негативно влияющий на военно-стратегическую обстановку. Однако он постепенно уменьшался в сопоставлении с рубежом 1990–2000-х гг.

Убедительность сдерживания и «действие-противодействие»

После окончания холодной войны сложилась специфическая военно-стратегическая ситуация, которая характеризовалась падением вероятности глобальной войны и ростом опасности эскалации региональных войн. Происходило горизонтальное распространение ЯО: после 1991 г. возникли три новые ядерные державы (Индия, Пакистан и КНДР), а отказалось от ЯО только одно государство (ЮАР). Укреплялась военная мощь Китая, который начал восприниматься Вашингтоном как основной соперник.

В этих условиях в США была поставлена проблема «убедительности сдерживания» (*credibility of deterrence*). Мощные ядерные потенциалы, накопленные к концу холодной войны и предназначенные для массированного или заметного по масштабам группового применения, выглядели нерелевантными ситуации. В качестве решения проблемы предполагалось создание более применимых систем ЯО (высокоточных и/или маломощных) с минимальными побочными эффектами. Они могли быть применены в региональных конфликтах с крупными оппонентами. По мнению сторонников подхода, это должно «разубедить» противника идти на ограниченную ядерную эскалацию либо предоставить убедительные средства для восстановления сдерживания, если оно не сработало. Эта идея широко представлена в американском стратегическом сообществе [см., например, Colby, 2014; Roberts, 2015; Warden, 2018] и имеет значительное влияние на декларативную политику «индивидуально подо-

¹ Военная доктрина РФ. Указ Президента России № Пр-2976 от 25.12.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47334> (дата обращения: 22.06.2022)

² Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Указ Президента России № 355 от 02.06.2020. (п. 15г). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45562> (дата обращения: 22.06.2022)

гнанных под противника» (*tailored*) и «гибких» (*flexible*) сценариев применения ядерного оружия, нашедших отражение в действующих доктринальных документах¹.

Практическим применением подхода стало развертывание баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) *Trident II* в оснащении боеголовками *W76-2* (8 кт мощности против 100 кт у стандартного *W76-1*). В этой логике развивалась модернизация и унификация парка ядерных авиабомб семейства *B61* до единой версии 12, подразумевающей превращение свободнопадающей бомбы в высокоточную корректируемую и установку в нее самого маломощного из использовавшихся в семействе физических пакетов с переменной мощностью (от 0,3 до 50 кт).

Схожие идеи проявляются в некоторых остановленных программах ЯО. Например, на рубеже 1990–2000-х гг. разрабатывался проникающий боеприпас «с пониженным выходом загрязнения» (*Robust Nuclear Earth Penetrator*). Программа обосновывалась задачей контрраспространения, а именно предполагала возможность ликвидировать потенциал оружия массового уничтожения стран-нарушителей, если те укрывают соответствующие хранилища, цеха и лаборатории на заглубленных объектах. Однако такие системы вооружения могли быть использованы как средства эскалационного доминирования, поскольку позволяют точно уничтожать защищенные высокоценные объекты.

Развитие потенциалов для повышения «убедительности сдерживания» обосновывалось в т. ч. ядерной политикой потенциальных соперников: Китая с его значительным запасом ядерных ракет средней дальности и России, располагающее большим арсеналом тактического ЯО. Это представляет пример эффекта «действие-противодействие»: противостоящие стороны «зацепляются» за отдельные элементы программ друг друга, подталкивая гонку вооружений. Наличие более применимых потенциалов задает определенную логику оперативному планированию, а сложившееся доктринальное обоснование понижает ядерный порог, создавая более комфортную психологическую среду для принятия решения о первом применении ЯО.

Обсуждение и выводы

Наблюдаемые выгоды ограниченных сценариев применения ЯО существенны. К ним относятся: компенсация дисбалансов сил общего назначения; четкость доведения сигнала до противника о всей серьезности намерений; восстановление сдерживания после того, как оно не сработало; ограничение возможного ущерба, что не делает начальный обмен единичными ядерными ударами, в понимании авторов стратегии, катастрофическим; психологическая реалистичность подобных сценариев в сравнении с решением о нанесении сразу неприемлемого ущерба.

Недостатки этой концепции не менее серьезны. Не решена задача управления эскалацией после пересечения ядерного порога. Об этом написано множество работ, однако все они сводятся к презумпции хладнокровно-рационального поведе-

¹ Nuclear Posture Review 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 22.06.2022).

ния руководства (слабый аргумент для обстоятельств ядерного кризиса), что также раскрывает отдельную проблему различий в интерпретации обстановки сторонами конфликта. Эти различия могут привести к тому, что сторона, полагающая свои силы более уязвимыми, может сразу пойти на массированное применение, «прыгнув» через несколько ступеней лестницы эскалации (дилемма «запускай-или-потеряешь»)¹. Создание более применимых потенциалов в интересах «убедительности сдерживания» повышает возможность их использования, а значит понижает порог применения. Это способствует ядерному распространению, как вертикальному (в виде совершенствования имеющихся потенциалов у «младших» ядерных держав), так и горизонтальному (принятие пороговыми государствами решения на создание ЯО).

Поиск решения требует диалога по доктрине ограниченной ядерной войны. Политизация вопроса ведет дискуссии в тупик, что демонстрирует развитие нарратива «эскалации для деэскалации». Создаются основания для просчетов и неверных интерпретаций поведения оппонента. Однако эта политизация во многом следствие фигуры умолчания, сложившейся после окончания холодной войны. Будучи одной из важнейших составляющих стратегической стабильности, ограниченная ядерная война не получает достаточно внимания.

Стратегическую стабильность можно рассматривать в двух плоскостях: идейно-теоретической и в плоскости практической репрезентации. Оставаясь универсальной концепцией (стабильное постоянство взаимного сдерживания [Schelling, 1959: 414]), стратегическая стабильность по-разному интерпретировалась для прикладных нужд анализа соотношений сил и подготовки соглашений о контроле над вооружениями, в зависимости от актуально действующего сочетания военно-политических, военно-стратегических и военно-технических факторов.

Единственное на сегодня определение стратегической стабильности на международно-правовом уровне было дано в 1990 г. и характеризовало ее как отношения сторон, при которых устраняются стимулы для нанесения первого ядерного удара². Однако оно не включает ограниченные сценарии применения ядерного оружия. Прикладное понимание «первого удара» в логике ядерной стратегии 1970–1980 гг. – это массированный разоружающий удар. Именно на устранение стимулов к его нанесению была направлена работа, в результате которой был заключен Договор СНВ-1. Это подтверждается конкретизацией методов укрепления стратегической стабильности в документе: учетом влияния систем ПРО, деконцентрацией боезарядов и акцентом на ядерных средствах повышенной выживаемости в ответном ударе.

Сложившаяся после холодной войны система контроля над вооружениями, таким образом, неспособна предотвратить ограниченное применение ЯО. Более того, она смещает активность сторон в «серую зону» выше ядерного порога, но ниже масшта-

¹ Например, таким был результат проигрывания сценария эскалационного доминирования на командно-штабной игре Т. Шеллинга «Горделивый пророк» (США, 1983 г.).

² Soviet – United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 1 June, 1990. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and> (дата обращения: 22.06.2022)

бов, которые ведут к нанесению неприемлемого ущерба в ответ. Тем самым за счет создания все более легко применимых систем ЯО и принятия соответствующих доктрин создается возможность для своего рода «короткого замыкания», которое в отсутствии гарантий управляемости эскалации способно довести конфликт до полномасштабной ядерной войны.

Помимо диалога о доктринах следует остановиться еще на нескольких аспектах, имеющих отношение к контролю над вооружениями. Один из них – это поэтапное развитие сферы охвата контроля над ядерными вооружениями. Требования США о верификации всего арсенала ЯО выглядят нереалистично. Промежуточное решение – рассматривать ядерное оружие с точки зрения времени его приведения в готовность к применению. На данный момент физические боезаряды тяжелых бомбардировщиков (крылатые ракеты и авиабомбы) исключены из зачета по правилам Договора СНВ-3, однако они находятся в приаэродромных хранилищах и могут быть быстро установлены на самолеты (в отличие от боезарядов центрального хранения). Это касается также хранилищ ядерного оружия на передовых базах. Расширение сферы охвата, дополненное инспекциями с подтверждением отсутствия ЯО на согласованном перечне объектов в зоне соприкосновения, может исключить возможность скрытого накопления.

Другим важным направлением работы может стать реалистическое снижение рисков неверных интерпретаций, связанных с системами оружия в двойном оснащении. Неверное «прочтение» факта развертывания таких систем, а также удары по ним как по конвенциональным (которые могут быть ударами по носителю с ядерными боезарядами) способны спровоцировать непреднамеренную эскалацию к ответному (ошибочному) применению ядерного оружия. В случае со стратегическими системами это осложняется оценкой характера боевого оснащения. Например, запуск БРПЛ *Trident II* с маломощным боезарядом *W76-2*, предназначенным для «сигналирования», не отличается от запуска обычной ракеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арбатов А.Г. (2021) Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 88–111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08.

Буренок В.М., Печатнов Ю.А., Тагиров Р.Г. (2009) К вопросу об определении уровней неприемлемости последствий при решении задачи силового стратегического сдерживания. *Вестник АВН*. № 1 (26). С. 44–49.

История военной стратегии России. (2000) Под ред. В.А. Золотарева. Кучково поле; Полиграфресурсы, Москва. 592 с.

Левшин В.И., Неделин А.В., Сосновский М.Е. (1999) О применении ядерного оружия для деэскалации военных действий. *Военная мысль*. № 3 (5–6). С. 34–37.

Соловцов Н.Е., Носов В.Т. (1994) Роль и место РВСН в Вооруженных силах России. *Военная мысль*. № 11–12. С. 71–76.

Blitzinger R. (1989) *Assessing the Conventional Balance in Europe, 1945–1975*. RAND Note N-2589-FF/RC. RAND Corporation, Santa-Monica, USA. 54 p.

Brower M. (1962) Nuclear Strategy of the Kennedy Administration. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 18. No. 8. Pp. 34–41. DOI: 10.1080/00963402.1962.11454440.

- Butler G. (2016) *Uncommon Cause: A Life at Odds with Convention. Vol. II: The Transformative Years*. Outskirts Press, Denver, USA. 482 p.
- Colby E. (2014) The Need for Limited Nuclear Options. *Challenges in U.S. National Security Policy*. Ed. by D. Ochmanek, M. Sulmeyer. RAND Corporation, Santa-Monica, USA. Pp. 141–168.
- Colby E. (2015) *Countering Russian Nuclear Strategy in Central Europe*. Center for a New American Security, Washington, the USA. 17 p.
- Hines J. (1996) *Soviet Strategic Intentions 1965–1985; An Analytical Comparison of US Cold War Interpretations and Soviet Post-Cold War Testimonial Evidence*. Ph.D. Thesis. University of Edinburgh. 346 p.
- Kahn H. (1965) *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. Frederick Praeger, New York, USA. 308 p.
- Kaplan F. (1991) *The Wizards of Armageddon*. Stanford University Press, Stanford, USA. 452 p.
- Kissinger H. (1957) *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. Harper & Brothers, New York, USA. 455 p.
- Luik J., Jermalavičius T. (2017) A Plausible Scenario of Nuclear War in Europe, and How to Deter It: A Perspective from Estonia. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 73. No. 4. Pp. 233–239. DOI: 10.1080/00963402.2017.1338014.
- Osgood R. (1957) *Limited War: The Challenge to American Strategy*. University of Chicago Press, Chicago, USA. 326 p.
- Posen B., Van Evera S. (1983) Defense Policy and the Reagan Administration: Departure from Containment. *International Security*. Vol. 8. No. 1. Pp. 3–45.
- Roberts B. (2015) *The Case for U.S. Nuclear Weapons in the 21st Century*. Stanford University Press, Redwood City, the USA. 352 p.
- Schelling T. (1957) Bargaining, Communication, and Limited War. *Conflict Resolution*. Vol. 1. No. 1. Pp. 19–36.
- Schelling T. (1959) Surprise Attack and Disarmament. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 15. No. 10. Pp. 413–418.
- Schneider M. (2017) Escalate to De-escalate. *Proceedings*. Vol. 143/2/1368. Pp. 26–29.
- Sokov N. (1998) *Modernization of Strategic Nuclear Weapons in Russia: The Emerging New Posture*. Program on New Approaches to Russian Security. Working Paper No. 6. Harvard University, Cambridge, USA. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/publications/ns9812.htm> (accessed: 22.06.2022)
- Sokov N. (1999) *Russia's 2000 Military Doctrine*. Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/russias-2000-military-doctrine/> (accessed: 22.06.2022)
- Ven Bruusgaard K. (2021) Russian Nuclear Strategy and Conventional Inferiority. *Journal of Strategic Studies*. Vol. 44. No. 1. Pp. 3–35. DOI: 10.1080/01402390.2020.1818070.
- Warden J. (2018) Limited Nuclear War: The 21st Century Challenge for the United States. *Livermore Papers on Global Security*. No. 4. Lawrence Livermore National Laboratory, Livermore, USA. 57 p.

The Military-Strategic Balance in Europe and Limited Nuclear Options

K.V. Bogdanov*

Candidate of Sciences (Engineering)

*Senior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997*

*E-mail: cbogdanov@imemo.ru

Abstract. Doctrines of limited use of nuclear weapons and related capabilities, including low-yield and precision-guided nuclear weapons systems present an important component of the modern nuclear deterrence. One of the most significant regions for the study of this phenomenon is Europe in which there is an ongoing aggravation of relations between Russia and NATO, the leading players in the ‘nuclear super-system.’ The spread of politicised opportunistic narratives such as ‘escalate to de-escalate,’ used to explain only the part of the picture of limited nuclear options, obscures the nature of the problem and does not allow it to be properly addressed in the context of reducing the risks of nuclear conflict and further development of arms control. It seems necessary to develop a systematic study of the emergence and transformation of the ideas of limited use of nuclear weapons in the European theater in order to work properly with the issue. In the process of this study, the key factors influencing the preferred choice of such doctrines were highlighted, related to the dynamics of conventional balances between potential opponents. The factors pushing countries to adopt limited scenarios are identified, and the main risks associated with this combination of doctrines and nuclear capabilities are outlined. The author suggests a set of possible measures to mitigate these risks, relating both to the sphere of strategic dialogue and to specific arms control solutions.

Keywords: European theatre, arms control, escalation control, limited nuclear options ‘escalate to de-escalate’, nuclear strategy.

DOI: 10.31857/S0201708322070129

EDN: kxazrg

REFERENCES

- Arbatov A.G. (2021) Desyat’ aporiy nashego vremeni. Teoria i praktika yadernogo sderzhivaniya [The Ten Aporias of Our Time: The Theory and Practice of Nuclear Deterrence]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 88–111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08. (in Russian).
- Blitzinger R. (1989) Assessing the Conventional Balance in Europe, 1945–1975. RAND Note N-2589-FF/RC. RAND Corporation, Santa-Monica, USA, 54 p.
- Brower M. (1962) Nuclear Strategy of the Kennedy Administration. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 18, no. 8, pp. 34–41. DOI: 10.1080/00963402.1962.11454440.
- Burenok V.M., Pechatnov Yu.A., Tagirov R.G. (2009) K voprosu ob opredelenii urovney nepriemlemosti posledstviy pri reshenii zadachi silovogo strategicheskogo sderzhivaniya [On the Definition of Unacceptability Levels in Solving the Problem of Forceful Strategic Deterrence], *Vestnik AVN*, no. 1 (26), pp. 44–49. (in Russian)
- Butler G. (2016) *Uncommon Cause: A Life at Odds with Convention. Vol. II: The Transformative Years*. Outskirts Press, Denver, USA, 482 p.
- Colby E. (2014) The Need for Limited Nuclear Options. *Challenges in U.S. National Security Policy*. Ed. by D. Ochmanek, M. Sulmeyer. RAND Corporation, Santa-Monica, USA, pp. 141–168.
- Colby E. (2015) *Countering Russian Nuclear Strategy in Central Europe*. Center for a New American Security, Washington, USA, 17 p.
- Hines J. (1996) *Soviet Strategic Intentions 1965–1985: An Analytical Comparison of US Cold War Interpretations and Soviet Post-Cold War Testimonial Evidence*. Ph.D. Thesis, University of Edinburgh, 346 p.

- Istoriya voennoi strategii Rossii* [The History of Russian Military Strategy] (2000) Ed. by V. A. Zolotarev. Kuchkovo pole; Poligrafresursy, Moscow, 592 p. (in Russian).
- Kahn H. (1965) *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. Frederick Praeger, New York, USA, 308 p.
- Kaplan F. (1991) *The Wizards of Armageddon*. Stanford University Press, Stanford, USA, 452 p.
- Kissinger H. (1957) *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. Harper & Brothers, New York, USA, 455 p.
- Levshin V.I., Nedelin A.V., Sosnovskiy M.E. (1999) O primenenii yadernogo oruzhiya dlya deeskalatsii voennyh deistviy [On Employing Nuclear Weapons to De-Escalate Hostilities]. *Voennaya mysl'*, no. 3 (5–6), pp. 34–37. (in Russian).
- Luik J., Jermalavičius T. (2017) A Plausible Scenario of Nuclear War in Europe, and How to Deter It: A Perspective from Estonia. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 73, no. 4, pp. 233–239. DOI: 10.1080/00963402.2017.1338014.
- Osgood R. (1957) *Limited War: The Challenge to American Strategy*. University of Chicago Press, Chicago, the USA, 326 p.
- Posen B., Van Evera S. (1983) Defense Policy and the Reagan Administration: Departure from Containment. *International Security*, vol. 8, no. 1, pp. 3–45.
- Roberts B. (2015) *The Case for U.S. Nuclear Weapons in the 21st Century*. Stanford University Press, Redwood City, USA, 352 p.
- Schelling T. (1957) Bargaining, Communication, and Limited War. *Conflict Resolution*, vol. 1, no. 1, pp. 19–36.
- Schelling T. (1959) Surprise Attack and Disarmament. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 15, no. 10, pp. 413–418.
- Schneider M. (2017) Escalate to De-escalate. *Proceedings*, vol. 143/2/1368, pp. 26–29.
- Sokov N. (1998) *Modernization of Strategic Nuclear Weapons in Russia: The Emerging New Posture*. Program on New Approaches to Russian Security, Working Paper No. 6, Harvard University, Cambridge, USA. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/publications/ns9812.htm> (accessed: 22.06.2022)
- Sokov N. (1999) *Russia's 2000 Military Doctrine*. Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/russias-2000-military-doctrine/> (accessed: 22.06.2022)
- Solovtsov N.E., Nosov V.T. (1994) Rol' i mesto RVSN v Vooruzhennyh silah Rossii. [The Role and Place of Strategic Rocket Forces in Russia's Armed Forces]. *Voennaya mysl'*, no. 11–12, pp. 71–76. (in Russian).
- Ven Bruusgaard K. (2021) Russian Nuclear Strategy and Conventional Inferiority. *Journal of Strategic Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 3–35. DOI: 10.1080/01402390.2020.1818070.
- Warden J. (2018) Limited Nuclear War: The 21st Century Challenge for the United States. *Livermore Papers on Global Security*, no. 4, Lawrence Livermore National Laboratory, Livermore, USA, 57 p.